

Романенко Елена Витальевна

СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Автор статьи делает попытку проанализировать массовую литературу как особое семиотическое пространство, в котором прослеживается действие законов не только художественных, жанровых, но и социальных. На основании результатов исследования предлагается система признаков массовой литературы как семиосферы. Уточняется определение понятия "массовая литература".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/3-2/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 162-167. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Признаки *темпоральность*, *причинность*, *экзистенциальность*, *квантитативность*, *условность*, *необходимость*, *возможность*, *желание* определяются ситуациями, сопровождающими действие-покрытие, отнесены к небазовым признакам, располагающимся в периферии полевой модели концепта ПОКРЫТИЕ.

Список литературы

1. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Правда, 1988. Т. 1. 480 с.
2. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Правда, 1988. Т. 2. 645 с.
3. Гончаров И. А. Обломов. Избранные сочинения / редкол.: Г. Беленький, П. Николаев. М.: Худож. лит., 1990. 575 с.
4. Гончаров И. А. Обрыв. М.: Дрофа; Вече, 2002. 800 с.
5. Залыгин С. П. Комиссия. М.: Современник, 1988. 430 с.
6. Залыгин С. П. Соленая Падь. На Иртыше. М.: Известия, 1970. 570 с.
7. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 368 с.
8. Казарина В. И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке, к вопросу о его формировании. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2002. 225 с.
9. Попова З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: ВГУ, 2000. 30 с.
10. Словарь русского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1981-1984. Т. 4. 792 с.
11. Чехов А. П. Сочинения в 4-х т. Рассказы и повести 1888-1895. М.: Правда, 1984. Т. 1. 576 с.
12. Чехов А. П. Сочинения в 4-х т. Рассказы и повести 1888-1895. М.: Правда, 1984. Т. 2. 613 с.

COGNITIVE INDICATIONS OF “COVERING” CONCEPT

Rodionova Yuliya Vladimirovna

Elets State University named after I. A. Bunin

yulia.rodionowa2011@yandex.ru

The description of COVERING concept indications represented with the structural schemes “who covers what with what” and “who is covered with what” is presented in the article. The basic indications form the concept core, non-basic ones are on the periphery. Cognitive indication attribution to the category of basic or non-basic is determined by the lexical meanings of structure-formative component and the syntactic way of its verbalization: lexical representation in structural or positional scheme.

Key words and phrases: concept; object; periphery; field model; indications; structural scheme; subject, core.

УДК 82.01/.09

Филологические науки

Автор статьи делает попытку проанализировать массовую литературу как особое семиотическое пространство, в котором прослеживается действие законов не только художественных, жанровых, но и социальных. На основании результатов исследования предлагается система признаков массовой литературы как семиосферы. Уточняется определение понятия «массовая литература».

Ключевые слова и фразы: массовая литература; высокая литература; семиосфера; литературный канон.

Романенко Елена Витальевна, к. филол. н., доцент

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина

ukrlit@bigmir.net

**СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МАССОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ[©]**

Сложные процессы, характеризующие формирование и распространение массовой литературы в литературном процессе XX века, могут быть изучены только с учетом всех аспектов литературной жизни: социальных обстоятельств и процессов, литературных направлений и эстетических открытий, жанрово-стилевых экспериментов в высокой литературе и возникновения новых читательских сообществ. Однако описать массовую литературу исключительно с точки зрения социологии, эстетики или теории литературы – значит изъять из контекста важные вопросы развития различных сфер литературного пространства. Ведь литературный процесс XX века дает много интересных примеров перемещения, столкновения и обновления семиотических кодов в таких разительно непохожих семиосферах, как высокая и массовая литература.

Предмет этой статьи – рассмотрение сложных процессов, влияющих на формирование массовой литературы, а также определение существенных признаков массовой литературы как семиосферы. Одно из самых распространенных мнений о массовой литературе – ее упрощенность и вторичность относительно литературного канона. Чтобы углубить представление о массовой литературе, украинский исследователь София

Филоненко о маслите пишет как о «совокупности литературных произведений, которые адресуются широкой читательской общественности, функционируют по законам литературной индустрии в соответствии со своей выразительно декларируемой жанровой принадлежностью» [15, с. 99]. Эта дефиниция систематизирует существующие определения, однако специфику массовой литературы исследовательница анализирует лишь в контексте развития гендерно-жанровых моделей популярной беллетристики, оставляя вне поля зрения некоторые теоретические аспекты, в частности особенности проявления и взаимодействия массовой литературы и массовой культуры, массового общества, формирования общественных вкусов и т.д.

Российская исследовательница М. Черняк, посвятившая отдельную монографию вопросам становления российской массовой литературы в литературном движении XX века, указывает, что «в массовой литературе существуют жесткие жанрово-тематические каноны, которые являются формально-содержательными моделями прозаических произведений, выстроенных по определенной сюжетной схеме и наделенных общностью тематики, устоявшимся набором действующих лиц и типов героев» [16, с. 15-16]. Автор монографии «Массовая литература XX века» попробовала начертить пути формирования широкого социокультурного и литературного контекста, в котором действуют законы массовой литературы: стереотипизация художественных идей, тривиализация содержания и моделирования «определенного типа потребительского восприятия» [Там же]. Однако массовая литература в оценке М. Черняк не предстает как целостное явление литературного процесса, тесно связанное с высокой литературой или фольклором. Противоречия в оценке массовой литературы обуславливают актуальность и своевременность постановки проблемы, которая исследуется в данной статье.

Длительное время массовая литература воспринималась как особая форма литературного творчества, такой тип художественных вкусов читающей публики, который распространяется не только благодаря идейной борьбе, но и через «обычную конкуренцию вполне реальных материальных сил» [18, с. 80]. Выводы, сделанные о маслите в 1920-1930-х годах, частично созвучны тем мыслям, которые были распространены в культурологии, философии и литературоведении со второй половины XX века. Прежде всего, это толкование массовой литературы как особенной формы связи между читателем/зрителем и произведением искусства, основанной на социальной идентификации, эксплуатации познавательных потребностей масс, а также манипуляции массовым сознанием, что ставило массовое искусство и культуру, по мнению советских культурологов и искусствоведов, вне границы настоящего искусства, ориентированного на творчество, а не на потребление [2].

Социологический подход в изучении массовой литературы – один из ведущих в XX веке, ведь ее появление – это, прежде всего, следствие и результат существования массового общества, массовой культуры, принципы для развития которой были заложены распространением книги, набирающем обороты со времени активного развития книгоиздания. Парадокс культурного развития общества: просветительские идеалы и массовость культурного производства способствовали снижению проблемно-тематических и жанрово-стилевых качеств литературы и в то же время – помогали формированию массовых и целостных образований: наций, национальных литератур, национальных государств, наднациональных образований и институтов.

Следовательно, формирование литературы, популярной у широких слоев населения, сразу было тесно связано с социальными трансформациями общества. Возможно, именно поэтому в 1991 году Ю. Лотман в статье, посвященной массовой литературе, высказывает мнение о том, что понятие «массовой литературы» «...социологическое. Оно касается не столько структуры того или иного текста, сколько его социального функционирования в общей системе текстов, которые составляют эту культуру. Следовательно, понятие «массовой литературы» в первую очередь определяет отношение того или другого коллектива к определенной группе текстов» [11, с. 381].

Социальная составляющая литературы в трудах российских и украинских литературоведов длительное время трактуется как наиболее существенный признак этого явления, эстетические и поэтические черты маслита считаются касательными и зачастую – недостойными внимания. Скажем, одно из первых выступлений на тему массовой литературы в украинском литературоведении в начале XXI века – статья «Современная массовая литература в Украине как общекультурная проблема» Нилы Зборовской [8] – содержит выводы, касающиеся, прежде всего, социального феномена маслита: «Массовая литература как сугубо имперское явление, вне зависимости от того, поступает она к нам из Америки или России, свидетельствует о слабости традиционных аристократических структур, которые уже не могут обеспечить соборность национального культурного пространства, чтобы оказывать сопротивление имперским культурным практикам» [Там же, с. 7].

Такой подход унаследован литературоведением от первых исследований, посвященных формированию массового общества. В 1929 году Хосе Ортега-и-Гасет в труде «Бунт масс» описывает фатальное броуновское смешение состояний и слоев, когда новые народы, как пишет философ, «растут в атмосфере, где существует или существовала старая цивилизация, они заворачиваются в ту идею, которую она им подает» [13, с. 101]. Подобные маскировка и потребление чужих идей, форм, тем и проблем, явлений истории, культуры, философии становятся социальным базисом, на котором растет и формируется массовое общество, а вместе с ним – массовая литература. Описанное Х. Ортега-и-Гасетом появление массовой аудитории как массового потребителя культуры и ее достоинства напрямую касается и литературных текстов, которые так же, как и другие произведения искусства, становятся предметом потребления и отображением потребительских интересов. Ученый указывает на черты, присущие массовому потребителю: это полуобразованный варвар, который придает большое значение собственным потребностям, свои представления о красоте и морали считает наиболее справедливыми, он воспринимает искусство, литературу, культуру сквозь набор четко усвоенных клише, штампов, стереотипов и иллюзий. Подобная личность – основная часть аудитории, к которой будет обращаться литература, следовательно – деформируются понятия элиты, высокой культуры или литературы, их эстетические признаки размываются,

произведение искусства теряет свою неповторимость, нивелируется представление о совершенстве, а вместо этого возвышается эстетика массовых разновидностей искусства, развлекательных, стандартизированных и псевдоинтеллектуальных. Это социальное понимание часто переносится на массовую литературу, хотя она – не только социальный институт, но и художественное явление, которое нуждается во внимательном исследовании.

Значительное влияние на распространение социологического подхода к маслиту оказали труды, написанные другими авторами: З. Кракауэр «Орнамент масс» (1927) [10], Т. Адорно и М. Хоркхаймер «Культиндустрия: Просветительство масс как обман масс» (1941-1942) [1], Дж. Стори «Теория культуры и массовая культура» (2001) [14] и др. К тому же на формирование социологического подхода к анализу массовой литературы особенно активно повлияла концепция франкфуртской школы, которая в основу своих теорий положила понятие «культурная индустрия». Оно было впервые определено Т. Адорно и М. Хоркхаймером в труде «Диалектика просветительства. Философские фрагменты» как целостная индустрия из производства однообразных и стандартизированных литературных текстов, кинофильмов, художественных произведений, которые, скорее, развлекают массы, нежели способствуют их образованности, превращая массового читателя и зрителя в потребителя продукции культурного производства [1]. Соответственно, в оценках представителей франкфуртской школы и их последователей массовая литература рассматривалась как коммерчески успешный товар, в котором нивелируется свойственная любому произведению искусства уникальность, оригинальность. Важность изучения социальной составляющей массовой литературы отмечают С. Филоненко [15], Т. Гундорова [5; 6], М. Зубрицкая [9], Н. Зборовская [8], Ю. Лотман [11; 12], Л. Гудков, Б. Дубин [3; 4; 7], М. Черняк [16] и др. Однако социологический подход к трактовке массовой литературы не исключает описания тех особенных эстетических признаков, которые помогают провести грань между массовой и высокой литературой.

Типологические и формальные особенности массовой литературы – это еще один аспект ее изучения, основанный на идее противопоставления двух типов словесности. Такой подход присущ труду «Популярное и каноническое» Девиса Джонсона [21], который различает два противоположных пласта в литературном дискурсе: литература популярная (низкая/массовая/филистерская / принадлежащая толпе / формульная/тривиальная) и литература, которая принадлежит меньшинству (высокая/элитарная/авангардная/классическая/серьезная). На этих идеях основываются выводы Кена Гелдера в монографии «Популярная беллетристика: логики и практики литературного поля» [20], в которой противопоставляются «поле Литературы» и «поле популярной беллетристики»: первое тесно связано с оригинальностью, творчеством, творческой единицей, небольшой группой почитателей, второе – с законами рынка и вкусами широкой аудитории.

Идеи Кена Гелдера, а также Дж. Кавелти о формульной литературе [19] стали очень популярными и в российском, и украинском литературоведении. Например, София Филоненко в книге «Массовая литература в Украине: дискурс, гендер, жанр» [15] последовательно анализирует пары: массовая литература – популярная литература, массовая литература – беллетристика, массовая литература – паралитература, массовая литература – развлекательная литература (литература для досуга), массовая литература – тривиальная литература. Подобный «опозиционный подход» в свое время был достаточно производительным, однако литературная практика XX века и литературоведческие дискуссии этого же периода удостоверяют, что подобное противопоставление до сих пор хранит терминологическую неустойчивость, поскольку массовая литература – это не только сугубо литературное явление, совокупность застывших жанровых форм, неизменных от середины XIX века, а часть массовой культуры и также целостная система художественных произведений разных жанров, которые активно развивались на протяжении XX века.

Такое противопоставление можно назвать условно допустимым, ведь не только в XX веке, но от самых древних времен литературный процесс всегда тесно связан с упрочением или нормированием литературного канона, в котором были бы собраны наилучшие образцы художественных текстов под общим названием «национальная литература» (или – «мировая литература»). В целом противопоставление канона высокой и массовой литературы прослеживается в трудах Х. Ортеги-и-Гасета [13], Квинни Дороти Ливис [23], Фрэнка Раймонда Ливиса [22] и др., которые свое внимание сосредоточили не только на описании феномена зарождения нового социального слоя, но и на том, что противостоять наступлению массового в искусстве в целом и литературе в частности помогают высокое искусство и высокая литература.

Однако противопоставление массовой и высокой литературы как противостояния в пределах литературного канона не полностью описывает феномен массовой литературы, ее типологические доминанты и эволюцию жанрово-стилевых модификаций в литературном процессе XX века. Ведь эстетические противоречия между массовой литературой и высокой литературой, массовой литературой и классикой, а также социокультурные ориентиры и предпосылки возникновения и развития маслита, коммерциализация литературного и художественного процессов – все это в XX веке способствовало формированию целостного социокультурного и художественного пространства массовой культуры (ее составляющей является массовая литература наряду с кино, музыкой, архитектурой, живописью и т.п.). Это процесс создания такого культурного контекста, в котором любая эстетическая идея становится тривиальной, типичной и стандартной, – и по своему содержанию, и по своей форме. В. Шестаков называет маскульт «искусством тривиализации» [17, с. 40]. По его мнению, массовая литература «часто и охотно обращается к эскапизму, побегу от реальности в сферы фантазии, мифологии, наркотического удовольствия и нарциссического самолюбования» [Там же].

Картина действительности, которую представляет массовая литература, – грандиозная система знаков, кодов, образов, адресованных как можно более широкой аудитории. В ней аккумулирован социальный опыт массовых слоев общества, отображены принципы их поведения, а также накоплено большое количество

художественных приемов и художественных образов, которые отображают представление массового общества о бытии и месте человека в нем. Следовательно, массовую литературу стоит трактовать как целостное социокультурное и эстетическое явление. Его поэтические ориентиры кардинально отличаются от поэтических ориентиров высокой литературы, что особенно выразительно засвидетельствовало литературное движение конца XIX – начала XXI века.

В литературном процессе XX века массовая литература вытворила собственный целостный мир, особенное семиотическое пространство, в котором пересекаются разные тексты, сложная образная структура, динамика которой постоянно вбирает у себя идеи и художественные приемы из других семиосфер (термин Ю. Лотмана), например, высокой литературы. Семиотический подход к изучению массовой литературы позволяет объединить и социологические, и философские, и литературоведческие трактовки этого явления, а также описать ее как нечто целостное. Ведь возникновение маслита вызвано не столько противопоставлением в ходе литературного процесса высокой и низкой словесности, популярной беллетристики и классики, высокой и массовой литературы, сколько благодаря смысловому, жанрово-стилевому и проблемно-тематическому перекрещиванию высокого и низкого, социального и эстетического, массового и элитарного – в разных творческих практиках. Здесь вполне приемлемым является суждение Ю. Лотмана о том, что массовая литература, «выступая в определенном понимании как средство разрушения культуры, одновременно может втягиваться в ее систему, принимая участие в строительстве новых структурных форм» [11, с. 389]. Процесс этот был постепенным на различных этапах развития национальных литератур и непременно включал слияние-отталкивание эстетических признаков массовой и высокой литературы, массовой литературы и классики, массовой литературы и фольклора, а также массовой литературы и нелитературных факторов, например: социальных сдвигов, формирование новых социальных слоев, изменение проявлений повседневного быта, развитие СМИ и др.

Массовая литература как семиосфера – это пространство взаимодействия литературных и внелитературных факторов. Смысловые границы маслита как семиосферы – социальные, культурные, эстетические, они помогают структурировать литературный процесс, в частности XX века, выделить в нем ведущие эстетические тенденции и описать процесс взаимодействия (сближения / отталкивания) массовой и высокой культуры и литературы в современном мире.

Как семиосфера, массовая литература – это целостное многоуровневое пространство, в котором взаимодействуют различные тексты, культурные коды, знаки и символы, текстовая и внетекстовая реальность (масс-медиа, кино, изобразительное искусство, фольклор, архетипы, реклама, социальные факторы и т.п.). Эти пласты образуют семиотическое пространство массовой литературы, динамическое, основанное на эстетических принципах наследования, стандартизации и типизации. Если рассматривать массовую литературу как семиосферу, то можно говорить о сложной иерархии текстов в ее смысловом и художественном пространстве, причем их отношения не основаны на противопоставлении «массовая – высокая литература», а являются многомерными. Признаками маслита как семиосферы можно назвать:

- Театрализацию бытия и действительности: тривиальные и будничные поступки, образы, знаки, коды и символы в массовой литературе освящаются как уникальные, возвышаются и превращаются в пафосные, а благодаря театрализации становятся повторяемыми, стандартизированными, предполагаемыми, становятся предметом наследования – в жанрах маслита, в реальной жизни читателями массовой литературы.

- Динамичность. Массовую литературу можно охарактеризовать как агрессивное семиотическое пространство, которое постоянно пытается позаимствовать художественные приемы, жанрово-стилевые образцы, образы и символы из высокой литературы, классики или фольклора, – ради привлечения внимания массового читателя. В то же время, массовая литература на протяжении XX века расширяет сферу своего влияния, о чем, в частности, свидетельствует тенденция к размыванию семиотических границ между маслитом и высокой литературой в творческой практике постмодернистов.

- Наличие семиотических границ между высокой и массовой литературой, массовой литературой и фольклором, маслитом и классикой. Бесспорно, они являются условными, однако в «феномене искусства можно выделить две противоположных тенденции: тенденцию к повторению уже известного и тенденцию к созданию принципиально нового» [12, с. 133]. В то же время они взаимопроникающи: тексты одних жанров могут включаться в другие, способствуя появлению уже известных стандартных (в маслите) или оригинальных (в высокой литературе) жанрово-стилевых модификаций.

- Ориентированность на определенный тип аудитории – массового читателя. Произведение массовой литературы обращено ко всем читателям одновременно и к каждому конкретно, поэтому образная система и художественные приемы маслита способствуют формированию чувства социальной причастности к определенному сообществу – читательскому, социальному, культурному.

- Массовая литература опирается на принципы коллективного мышления, коллективную память и культуру, которая сближает ее черты с чертами фольклора как семиотической системы. И одновременно она – широкий культурный контекст в развитии массового общества XX века.

Противопоставление семиосферы массовой литературы и высокой литературы – тенденция, которая родилась во время модернизма, в период окончательного упрочения национальных литературных канонов, а также ускорения формирования массового общества. На это время приходится формирование оппозиции «массовое – элитарное», массового чтения, книгопечатания и массового читателя. Кроме того, в пределах, в первую очередь, модернистской творческой практики возникает представление об ориентированности высокой литературы на эстетический эксперимент, акцентирование новой оригинальной манеры письма, преодоления примитивности в стереотипном изображении человека и действительности, практики эпигонства.

Как две отличные семиосферы массовая и высокая литература должны быть противопоставлены на основе сопоставления эстетических принципов моделирования действительности и концепции человека. Маслит имеет важные социальные признаки, в первую очередь, популярность среди определенных слоев населения определенных произведений. Идеи маслита – это комплекс социокультурных ценностей, которые отвечают запросам и вкусам массового потребителя; такие произведения иногда выполняют компенсаторную функцию утешения и поддержки, язык произведений массовой литературы стремится не к образному, а к максимально простому вне-литературному воссозданию действительности. Массовая литература, в сущности, выступает целостной знаковой системой, которая понятна всем членам общества вне зависимости от их социального статуса и литературных вкусов, степени ознакомленности с ведущими эстетическими открытиями литературного процесса.

Противостоит понятию «массовая литература» понятие «высокая литература». И хотя такое деление является весьма условным, ведущие эстетические признаки высокой литературы полностью противоположны художественным признакам маслита. Высокая литература – это литература жанрово-стилевых и проблемно-тематических экспериментов, она нарушает жанровые каноны, стиливые предписания, проблемно-тематические центры. Это литература высокого внутреннего напряжения, которая может научить человека преодолевать собственное одиночество и экзистенциальный конфликт осознания собственной смертности. От высокой литературы массовая отличается эстетическими принципами воссоздания действительности, концепцией человека, стиливыми особенностями и тривиализацией жанровых модификаций романа и повести.

Общие и отличительные признаки массовой и высокой литератур позволяют говорить о том, что они образуют определенное семиотическое пространство словесного искусства в истории литературы XX века, хотя и основаны на отличительных принципах толкования и восприятия действительности и концепции человека. Массовая литература (маслит) – неотделимая часть семиотического пространства массовой культуры, совокупность широко популярных и коммерчески успешных художественных произведений, основанных на принципах стандартизации и копирования (наследования) известных и давно проработанных жанровых образцов и художественных приемов. Однако, невзирая на имеющиеся отличия между семиосферой массовой и высокой литературы, они не конкурируют друг с другом, а наоборот – существуют по закону сближения-отталкивания, взаимопроникновения и взаимного переструктурирования. Этот процесс следует рассматривать не только в теоретическом аспекте, но и в практическом, путем описания исторических закономерностей его развертывания. Хотя это и невозможно без определения таких существенных признаков маслита, как концепция читателя и чтения произведений массовой литературы, поэтических ориентиров и типологических доминант (в частности, художественных средств выражения концепции человека, особенностей стиля, категории жанра и др.).

Список литературы

1. Адорно Т. В., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты: пер. с нем. М. Кузнецова. М.: Медиум; СПб.: Ювента, 1997. 310 с.
2. Ашин Г. К. Буржуазная массовая культура. М.: Знание, 1988. 40 с.
3. Гудков Л. Д. Социальный процесс и литературные образцы (о возможности социологической интерпретации литературы и массового читателя) // Массовый успех: сб. научн. трудов. М., 1989. С. 63-119.
4. Гудков Л. Д., Дубин Б. В. Литература как социальный институт: статьи по социологии литературы. М.: Новое литературное обозрение, 1994. 353 с.
5. Гундорова Т. Кітч і Література. Травестії. К.: Факт, 2008. 284 с.
6. Гундорова Т. Транзитна культура. Симптоми постколоніальної травми: статті та есеї. К.: Грані-Т, 2013. 546 с.
7. Дубин Б. В. Интеллектуальные группы и символические формы: Очерки социологии современной культуры. М.: Новое издательство, 2004. 352 с.
8. Зборовська Н. Сучасна масова література в Україні як загальнокультурна проблема // Слово і Час. 2007. № 6. С. 3-8.
9. Зубрицька М. Номо legens: читання як соціокультурний феномен. Львів: Літопис, 2004. 352 с.
10. Кракауер З. Орнамент массы // Новое литературное обозрение. 2008. № 92. С. 69-77.
11. Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллин: Александра, 1993. Т. 3. С. 380-389.
12. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2010. 704 с.
13. Ортега-і-Гасет Х. Вибрані твори / перекл. з іспанської В. Бургардта, В. Сахна, О. Товстенко. К.: Основи, 1994. 420 с.
14. Сторі Дж. Теорія культури та масова культура: вступний курс / пер. з англ. С. Савченка. К.: Акта, 2005. 360 с.
15. Філоненко С. О. Масова література в Україні: дискурс/гендер/жанр: монографія. Донецьк: ЛАНДОН-XXI, 2011. 432 с.
16. Черняк М. А. Массовая литература XX века: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2007. 423 с.
17. Шестаков В. П. Мифология XX века: Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры». М.: Искусство, 1988. 224 с.
18. Шюккинг Л. Социология литературного вкуса. С приложением статей «Шекспир как народный драматург. Семья как фактор эволюции вкусов» / пер. с нем. Б. Я. Геймана и Н. Я. Берковского; под ред. и предислов. В. М. Жирмунского. Л.: ACADEMIA, 1928. 180 с.
19. Cawelty J. Adventure, Mystery and Romance: Form Ula Stories as Art and Popular Culture. Chicago – L., 1979. 410 p.
20. Gelder K. Popular Fiction: The Logics and Practices of a Literary Field. Abingdon: Routledge, 2004. 192 p.
21. Johnson D. Introduction to Part 1 // The Popular and the Canonical. Debating Twentieth-Century Literature. 1940–2000 / ed. by D. Johnson. Routledge, 2005. P. 3-12.
22. Leavis F. R., Thompson D. Culture and Environment: The Training of Critical Awareness. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1977. 160 p.
23. Leavis Q. D. Fiction and the Public. London: Chatto & Windus, 1978. 350 p.

SEMIOTIC SPACE OF POPULAR LITERATURE: THEORETICAL ASPECTS

Romanenko Elena Vital'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine
ukrlit@bigmir.net

The author undertakes the attempt to analyze the popular literature as a special semiotic space, where can be traced not only the influence of artistic and genre laws but also social ones. Basing on the results of the study, a system of popular literature features as semiosphere is suggested. The definition of the notion "popular literature" is defined more exactly.

Key words and phrases: popular literature; classic literature; semiosphera; literary canon.

УДК 82.09

Филологические науки

В статье рассматриваются исторические предания о расколе православной церкви, зафиксированные в конфессиональной среде старообрядцев Южного Зауралья. Исследуются мотивный и образный уровни повествовательной структуры зауральских устных рассказов об истории возникновения старообрядчества. Анализируется отражение специфики религиозного мировоззрения староверов в произведениях их художественного творчества.

Ключевые слова и фразы: этнографические материалы; старообрядцы Южного Зауралья; историческое предание о церковном расколе; двоедан; устный рассказ; субконфессиональное сознание.

Рычкова Екатерина Владимировна, к. филол. н., доцент
Курганский государственный университет
ekaterina.rychckova@yandex.ru

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ О РАСКОЛЕ
В ФОЛЬКЛОРЕ СТАРООБРЯДЦЕВ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ[©]**

Полевые этнографические материалы, собранные среди старообрядцев Южного Зауралья, включают различные устные произведения, в том числе исторические предания о церковном расколе, приведшем к формированию их субконфессиональной общности. Реформа XVII века и вызванный ею раскол православной церкви – одно из главных событий русской истории, нашедших отражение в вербальном фольклоре двоедан края (духовных стихах и преданиях).

Нововведения патриарха Никона, поддерживаемые царской властью, видятся хранителям «древлего благочестия» порубежной вехой в истории не только «истинных» христиан, но и всего человечества, более того – мироздания в целом. История раскола оказывается для старообрядцев непосредственно связанной с событиями священной истории. Раскол представляется точкой отсчета мировой истории, по которой определяется вектор дальнейшего развития человечества. Начало христианства и появление старой веры совпадают: «По которой вере Иисус Христос родился, по такой вере мы и живем»; «У мирских вера идет с 1666 года, а нашей поморской уже две тысячи лет. Недавно отмечали» [4, с. 33].

Развитое субконфессиональное сознание двоедан края проявилось в ряде сюжетов, содержащих «географическую этимологию»: «Двоеданская вера крепкая. Она не всем по нюху. Одна собрались много, много народу и сказали: Не будем знать старую веру, хотим новую, чтоб послабже. Стало быть, взбунтовались. У нас ведь как: молись, посты держи, не кури, не пей не матерись, чай не пей. Собрались много, значит, – весь мир. Они и стали поэтому мирскими, а наши – двоеданскими. Наших и сослани в Сибирь на речку Керженку. Поэтому нас называют кержаками – мол, жадные и дикие. Какие мы дикие? Какие жадные? Люди как люди. Только заядлые на веру и работу. А как другие ученые рассказывают – это все неправда» [2, с. 45]; «Когда начались гонения на веру, некоторые ушли в Поморье, их стали называть поморцами. Кержаки ушли в керженские леса, поэтому их так называют. Мы поморцы, наши прадеды пришли с Поморья и основали Камаган. Раньше здесь сплошной лес был. И вот они деревья пилили. И прямо на пнях новые дома ставили» [5, с. 3].

Основной причиной раскола называют исправление церковных книг, которое воспринимается как посягательство на святыню, имеющее необратимые последствия для настоящих христиан: «Изменили все книги. Печатали с ошибками. Изменять нельзя ни слова, ни прибавить, ни убавить, не переставить. Если изменишь, анафема будет. А они ишь чего удумали – книги переписывать» [3, с. 15]. Облегчение веры, ее упрощение, искажение характеризуют в представлении двоедан виновников реформы – Никона и царя Алексея Михайловича: «Раньше-то какой-то патриарх Никон он смягчил веру, ему тяжело показалось. Кто тоже захотел полегче, за ним пошли, а двоедане – нет. Никонияне говорят, и посты соблюдать не надо» [1, с. 55].

Действия реформаторов, описанные современным языком, совершенно кощунственны, главное в них – профанация святости, пренебрежение к важнейшим, неприкосновенным вещам: «Никон стал изменять законы